

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА
ИМЕНИ МИРЗО УЛУГБЕКА

Исторический факультет
Кафедра “Всемирной истории”

Шукруллаева Анора Фархаджановна

ИТОГОВАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Империя Хань

Научный руководитель:
Старший преподаватель: А.А.Розаков

Ташкент – 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. ПЕРВАЯ (СТАРШАЯ) ДИНАСТИЯ ХАНЬ (206 до н. э.-8 н. э.)

- 1.1. Создание Империи Хань. У-ди и его преобразования
- 1.2. Внутренняя ситуация и развитие Ханьского государства при наследниках императора У-ди

Глава 2. ВТОРАЯ (МЛАДШАЯ) ДИНАСТИЯ ХАНЬ (25-220 гг. н. э.)

- 2.1. Правление и реформы Ван Мана
- 2.2. Правление Второй (Младшей) династии Хань

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. После обретения Республикой Узбекистан независимости перед отечественной исторической наукой встал вопрос изучения подлинной истории своей страны. Так, по словам И. А.Каримова: «История – это основа духовности народа»¹. Среди различных проблем стоящих перед отечественной исторической наукой большую актуальность имеет проблема взаимоотношений народов нашей страны, с соседними странами начиная с древних времен. Среди таких соседних стран можно назвать в частности Китай в период правления династии Хань. Этот период в истории Китая во многом является знаковым и основополагающим. Важен он и для нашей истории. Ведь именно в этот период были установлены первые дипломатические и торговые связи между народами нашей страны и Китаем. Среди важнейших результатов этих контактов можно назвать возникновение Великого шелкового пути активно действовавшего на протяжении более полутора тысяч лет и ныне возрожденного благодаря усилиям ряда стран региона и в том числе Узбекистана и Китая. Ныне Китай является одним из стратегических партнеров Узбекистана как в экономической так и политической сферах. Именно поэтому изучение истоков этих связей и исторического прошлого страны-партнера коим по отношению к нашей Республики является Китай имеет чрезвычайную актуальность и высокую значимость. Как уже было упомянуто, Ханьская эпоха в истории Китая является одной из наиболее важных и продолжительных и именно ей и посвящена эта работа.

Цели и задачи исследования. Основной целью настоящего исследования является исследование истории Ханьского государства, его развития и эволюции.

---

¹ Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего // Каримов И. А. Сочинения. – Т.: Узбекистан, 1999. Т. VII. С. 140.

Достижение основных целей исследования сопряжено с решением следующих задач:

- изучить как возникла Ханьская держава и какие обстоятельства этому содействовали;
- рассмотреть деятельность самого выдающегося представителя раннеханьского периода императора У-ди и его преобразования во внутренней жизни страны;
- исследовать внутреннюю ситуацию и развитие Ханьской империи при наследниках У-ди;
- изучить правление Ван Мана и проводившиеся им реформы;
- показать причины неудач реформ Ван Мана и возвращение к власти династии Хань;
- рассмотреть период правления Младшей династии Хань, особенности внутреннего развития страны и причины крушения Ханьской империи.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования является история Ханьской империи.

Предметом же является изучение закономерностей и особенностей внутреннего развития Ханьского государства и идеологической борьбы.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе использовались такие основные методологические принципы, как историзм, объективность, системность, требующие рассмотрения всех процессов через выявление основных этапов развития и раскрытия причинно-следственных связей исторических событий.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 209 г до н. э. по 220 г н. э. являющийся периодом прихода к власти Лю Бана, правления Старшей и Младшей династий Хань и Ван Мана.

Структура исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

Глава 1. ПЕРВАЯ (СТАРШАЯ) ДИНАСТИЯ ХАНЬ (206 до н. э.-8 н. э.)

1.1. Создание Империи Хань. У-ди и его преобразования

В 210 г., в возрасте 48 лет, скоропостижно скончался Цинь Шихуанди – основатель первой всекитайской империи Цинь¹. Сразу же после его смерти в империи вспыхнули восстания.

В 209 г. до н. э. на территории провинции Аньхуй началось восстание в отряде, насчитывавшем около 900 человек, которых гнали на работы на север. Восставших возглавили выходцы из беднейших слоев деревни Чэнь Шэн и У Гуан. Движение поддержали местные общинники. К повстанцам присоединилась большая группа конфуцианцев из царства Лу – родины Конфуция, возглавляемая Кун Цзя, восьмым его потомком². Открытый переход потомка Конфуция на сторону повстанцев свидетельствовал о том, что он и его единомышленники видели в династии Цинь активного противника конфуцианского учения.

Повстанцы убивали представителей императорской администрации, но не трогали глав местных общин; более того, они прислушивались к их мнению.

Во время похода к ним присоединялись земледельцы и воины правительственных отрядов. По сообщению Сыма Цяня, в течение первого месяца восстания их войско уже насчитывало 600–700 боевых колесниц, свыше тысячи всадников и несколько десятков тысяч пеших воинов³. Позже в ряды восставших стали переходить представители господствующего сословия, недовольные политикой Цинь. Среди повстанцев имелись большие отряды, составленные из одних восставших рабов (армия Люй Чэня). Разделив свои силы, повстанцы действовали в нескольких направлениях, имея главной целью захват столицы. Однако между вождями вскоре возникли разногласия, и Чэнь Шэн, провозглашенный государем, был в 208 г.

---

¹ Переломов Л.С. Империя Цинь - первое централизованное государство в истории Китая. М., 1962. С. 257.

² Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 99-100.

³ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 90.

убит¹.

В ту пору на востоке империи вспыхнуло еще несколько антицинских восстаний. Одно из них возглавил Сян Юй – представитель аристократии царства Чу. Он собрал большое войско и захватил значительную территорию². В 207 г. в результате похода на запад отряды другого повстанческого руководителя, Лю Бана, взяли столицу Сяньян и положили конец циньскому правлению. Лю Бан был выходцем из общинников, хорошо понимал нужды земледельцев и умел добиться поддержки старейшин. Он создал себе популярность отменой жестоких циньских законов. Возглавлявшие враждующие регионы военачальники в энергичных схватках сводили счеты друг с другом, создавая на завоеванных ими землях все новые и новые княжества и царства, названия которых иногда совпадали с прежними, существовавшими на тех же территориях до Цинь, а иногда звучали по-новому. Сильнейшими среди них, как упоминалось, оказались вновь созданные политические образования домов Сян и Хань. В ходе длительной междоусобной борьбы за власть, развернувшейся между Лю Баном и Сян Юем, Лю Бан одержал победу в 202 г. до н. э. и стал первым ханьским императором Гао-цзу³.

Но какая империя досталась Лю Бану?! Страна лежала в руинах, ибо отнюдь не все поверженные противники согласились на безоговорочную капитуляцию. Многие из них, напротив, продолжали сопротивляться, ведя дело ко все большей разрухе. Однако главное было в том, что сила центростремительных факторов и тенденций, веками вызревавшая в недрах чжоуского Китая и в немалой степени обеспечившая Цинь Ши-хуанди объединение страны в гигантскую империю, не просто иссякла, но и как бы обернулась своей противоположностью. Наглядный отрицательный опыт недолговечного легистского эксперимента Ши-хуана и последовавший затем развал его империи были той реальностью, с которой столкнулся одолевший

---

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 92.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 94.

³ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 398-399.

своих соперников и вновь пытавшийся собрать империю воедино Лю Бан. Конечно, долгодействующие факторы и тенденции сыграли при этом свою позитивную роль, ибо они объективно отражали то, что было результатом длительного исторического процесса: Китай был готов к объединению и вопрос сводился лишь к тому, кому и как удастся этого добиться. Но неудача Цинь не просто замедлила позитивный процесс. Она как бы повернула его вспять, резко замедлила его ход, заставила многое создавать заново, причем в самых неблагоприятных для этого условиях всеобщей разрухи и развала.

Здесь важно вспомнить, что легизм Ли Сы, реализованный в империи Цинь, был крайне нетерпимым. Он ставил своей целью вытравить из памяти людей все то, что так или иначе не совпадало с его нормами и тем самым было оппозиционно по отношению к ним¹. Понятно, что при этом вся громадная административно-чиновничья система создавалась из тех, кто был слепо послушен легистской доктрине и ревностно реализовывал на практике ее нормативы. И это было как раз то наследство, которое получил не очень-то образованный выходец из крестьян Лю Бан, когда он сел на трон и оказался перед необходимостью управлять империей. Как управлять? С кем управлять? На кого и на что опираться? Эти вопросы были для него тем более актуальными, что, судя по данным восьмой главы труда Сыма Цяня, специально посвященной Гао-цзу, едва ли не все немногие годы его правления в качестве императора новой династии Хань прошли в сражениях с мятежниками, то и дело пытавшимися оспорить его победу и статус императора. И хотя Лю Бан в конечном счете одолел всех своих врагов и, по выражению того же Сыма Цяня, «усмирил Поднебесную», повернув государство «на верный путь», ему и тем более стране это далось нелегко.

Разумеется, у Лю Бана были знающие и опытные советники, в том числе и из числа уцелевших конфуцианцев. Однако они мало что могли сделать при жизни императора в условиях постоянных войн и мятежей, разрухи и

---

¹ Малявин В. В. Проблема человека в культуре раннеимператорского Китая // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983. С. 45-46.

развала, не имея достаточного количества помощников-единомышленников, которые были уничтожены еще в Цинь. Кроме того, в институциональном плане противопоставить полуразвалившейся, но все же как-то существовавшей легистской административной системе им было практически нечего. Тексты «Чжоули» здесь помочь не могли. Потому Гао-цзу не очень-то спешил с радикальными реформами, не слишком старался противопоставить свой новый режим обанкротившемуся легистскому. Напротив, он старался опереться на те остатки административной легистской структуры, которые уцелели со времен Цинь, сделав при этом все необходимое для того, чтобы смягчить жесткость легизма Ли Сы и Цинь Шихуана¹.

Уже в 202 г. до н.э. по случаю инаугурации Лю Бан провозгласил широкую амнистию, призвав всех беглых и изгнанных вернуться домой и получить свои земли и жилища. Он отменил суровые наказания времен Цинь и сделал акцент на нижнем звене администрации, на сельских старейшинах – *саньлао*, в среде которых бытовали древние традиции. Сохранив легистскую систему административных рангов, низшие, восемь из них он распорядился по-прежнему присваивать простолюдинам, включая *саньлао*². В 199 г. до н.э. было начато строительство дворцового комплекса Вэйянгун в новой ханьской столице Чанань. Однако главной слабостью ханьской власти продолжало быть отсутствие надежной централизованной административной системы. Создать ее вместо развалившейся циньской было делом нелегким и требовало много времени. Кроме того, Гао-цзу сознавал необходимость вознаградить всех, кто помог ему одержать победу, кто был рядом с ним в суровые годы, кто был в числе его родственников и приближенных. Способ вознаграждения, известный из древнекитайской истории, был один – раздать заслуженным людям титулы, ранги и соответствующие земельные

¹ Васильев Л.С. Государство и государственный способ производства в Древнем Китае // «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. -Вып. 1. М., 1981. С. 143-144.

² Переломов Л. С. О значении терминов «фулао» и «саньлао» в эпоху Хань // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 86-88.

пожалования, по большей части с заметными иммунитетными правами, что превращало всех их в могущественных удельных властителей¹.

Трудно сказать, какой из факторов при этом решении сыграл наибольшую роль, быть может, чашу весов при сомнениях – а сомнений не могло не быть: слишком хорошо было известно, какие опасности таит в себе создание в рамках страны большого количества полунезависимых уделов, – перевесила ссылка на традицию, которой пренебрег в свое время Цинь Ши-хуан, но с которой твердо решил считаться Лю Бан. Во всяком случае, принципиальное решение было принято уже в первые годы его власти, когда в Поднебесной и было создано 143 удела. В среднем это были уделы в 1–2 тыс. дворов, иногда меньшие, но подчас и много большие, вплоть до 10–12 тыс. Каждый из владельцев удела и только он имел титул *хоу*, передававшийся вместе с уделом по наследству. Ближайшие преемники Лю Бана продолжали в этом смысле его политику, жалуя десятки новых уделов своим близким родственникам и заслуженным помощникам. Со времени многие представители удельной знати настолько укрепились в своих владениях, что наиболее близкие из них по степени родства с императором стали именоваться уже титулом *ван*. Ваны и *хоу* чувствовали себя в своих уделах прочно и порой затевали мятежи против законного правителя Поднебесной².

Впрочем, в масштабах Поднебесной в целом удельная знать и по числу и по количеству подданных занимала не слишком заметное место. Хотя хлопот с ней было немало, на политику страны в целом она влияла не столь уж сильно. Львиная доля территории и подданных властителя Поднебесной оставалась под властью центра, и потому едва ли не самой важной задачей было создать надежную систему централизованной администрации, на которую могла бы опираться империя. Собственно, это и было главной целью деятельности нескольких ближайших преемников Лю Бана, вплоть до его великого правнука У-ди, который окончательно решил, наконец,

¹ Кудрин В.И. Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 55-57.

² История Китая. М., 1998. С. 129-130.

проблему управления империей. Но до У-ди были еще правители, о которых необходимо сказать хотя бы несколько слов.

В то время, когда Лю Бан занимал еще низкое положение, его женой стала женщина из рода Люй. Она родила ему сына Ина – будущего императора Хуй-ди – и дочь – будущую вдовствующую императрицу Лююань. Когда Лю Бан стал Хань-ваном, он взял наложницу из рода Ци, уроженку Дин-тао, которую очень любил. От нее родился Жу-и, носивший титул чжаоского Инь-вана. У императора имелись сыновья и от других женщин. В связи с этим в последние годы его правления возник вопрос о престолонаследии. Ин был человеком безвольным и чрезмерно мягким. Император знал это и все время хотел лишить его звания наследника престола. Вместо него он хотел объявить преемником сына наложницы Жу-и, так как видел, что тот больше подходит для этой роли. К тому же наложница Ци пользовалась любовью Гао-цзу и часто сопровождала его в поездках¹. По свидетельству Сыма Цяня, она дни и ночи проливала слезы, добиваясь, чтобы ее сын сменил прежнего наследника. А императрица Люй была уже в годах и обычно оставалась в столице. Она редко виделась с государем и все более отдалялась от него. Однако ее влияние от этого не становилось слабее. По характеру Люй была женщиной решительной. В течение многих лет она помогала Гао-цзу утверждать порядок в Поднебесной, и многие высшие сановники, заподозренные в том, что сами помышляют о престоле, были казнены по ее настоянию. Старшие братья Люй, также люди энергичные и решительные (оба они были военачальниками), бдительно стояли на страже ее интересов. Благодаря их жесткому противостоянию Жу-и, несмотря на все старания его сторонников, так и не был объявлен наследником².

После того как Гао-цзу скончался в июне 195 г. до н. э. во дворце Чанлэгун, Ин был немедленно провозглашен императором, а наложница Ци заключена во внутренних помещениях дворца. Жу-и вызвали в столицу. Он

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 200.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 201.

последовал туда очень неохотно, так как понимал, что ничего хорошего его там не ожидает. Хуэй-ди, будучи добрым человеком, попытался спасти младшего брата. Он встретил его в Бошане, вместе с ним прибыл во дворец и все время жил, ел и пил вместе с ним. Только в декабре 195 г. до н. э., воспользовавшись тем, что Хуэй-ди отлучился на охоту, императрица Люй смогла осуществить свой замысел – Жу-и был отравлен и вскоре умер. Затем вдовствующая императрица приказала отрубить ноги и руки наложнице Ци, вырвать ей глаза, прижечь уши, дать снадобье, вызывающее немоту, поместить ее в яму, полную нечистот, и называть "человек-свинья". Управление государством полностью перешло к Люй, ее брату Цзяньчэн-хоу и двум племянникам – Ли-хоу и Цзяо-хоу. Что касается императора Хуэй-ди, то он совсем не занимался делами, бражничал, предавался разврату и веселью¹. От этого он вскоре заболел и скончался в сентябре 188 г. до н. э. еще очень молодым человеком.

К этому времени представители рода Люй уже занимали все важные посты в государстве, были военачальниками и правителями областей. Они оказали поддержку императрице Люй и помогли ей сохранить власть в своих руках. До самой смерти она оставалась всесильной правительницей империи, хотя формально считалась регентшей при малолетних императорах. Сыма Цянь пишет, что жена Хуэй-ди не имела детей. Однако она притворилась, что понесла, а сама отняла сына одной из наложниц и назвала его своим (мать ребенка после этого убили). Этот мальчик и был объявлен императором, но никакого реального значения он не имел². Все декреты и указы исходили непосредственно от императрицы Люй. Когда мальчик подрос, его заперли в задних помещениях дворца, никуда не выпускали и говорили, что он опасно болен. В 184 г. до н. э. он был низложен и умерщвлен. Императором объявили другого ребенка, взятого из гарема Хуэй-ди – Чаншань-вана. Он

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 201-202.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 204.

также был чисто символической фигурой¹.

Императрица Люй скончалась в 180 г. до н.э. от загадочной болезни, которую Сыма Цянь, насколько его можно понять, склонен был считать небесной карой за ее преступления². Едва о смерти императрицы стало известно, в столице вспыхнула борьба между родами Люй и Лю. Члены рода Лю, совершенно оттесненные после смерти Гао-цзу от управления государством, теперь вознамерились вернуть себе первенствующее положение и покончить с всевластием родичей покойной императрицы. Главную роль в перевороте сыграл Лю Чжан, носивший титул Чжусюй-хоу (он был старшим внуком Гао-цзу). Под его руководством верные Лю солдаты вошли в Чанъань и начали истребление рода Люй. Убивали всех без разбора – мужчин и женщин, взрослых и детей. Император Чаншань-ван был низложен, и престол перешел к старшему сыну Гао-цзу, Лю Хэну, носившему титул Дай-вана (матерью его была вдовствующая императрица Бо – женщина из знатного и уважаемого рода). Он стал императором Вэнь-ди³.

В истории и исторической традиции Китая к императрице Люй-хоу отношение сугубо отрицательное. Ее осуждают за жестокость по отношению к соперницам, за убийства государственных деятелей, низложение законных наследников, возвышение родственников из клана Люй и многое другое. Конечно, внимательно прочитав посвященную ей девятую главу труда Сыма Цяня, можно согласиться с тем, что она была властной, жестокой и честолюбивой правительницей. Но заключительные строки той же главы говорят: «...правительница Гао-хоу осуществляла управление... не выходя из дворцовых покоев. Поднебесная была спокойна. Наказания всякого рода применялись редко, преступников было мало. Народ усердно занимался хлебопашеством, одежды и пищи было вдоволь»⁴.

¹ Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 108.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 211.

³ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 401.

⁴ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 220.

Это значит, что придворные интриги и кровавые разборки вокруг трона не слишком-то сказывались на положении дел в стране. Даже напротив, реформы Лю Бана, включая снижение налогов с землевладельцев, проведение ирригационных работ, обложение тяжелыми налогами богатых торговцев и заботу о поддержании статуса рядовых чиновников, постепенно давали позитивные результаты. Смягченные легистские методы управления и поощрение конфуцианских традиций приводили к пополнению администрации за счет активных конфуцианцев. Знатоки конфуцианства сумели по памяти восстановить тексты уничтоженных Цинь Ши-хуаном книг, и в первую очередь всего конфуцианского канона, обросшего теперь многочисленными комментариями. И то обстоятельство, что ни Хуэй-ди, ни Люй-хоу, погруженные в дворцовые развлечения и интриги, не очень-то вмешивались в дела управления Поднебесной, как бы перепоручив их представителям традиционной культуры, заместившим собой скомпрометированных легистских сановников, пошло (вкуче со своевременными и разумными реформами Лю Бана) на пользу Поднебесной¹. Это стало особенно очевидным, когда на престол сел один из сыновей Лю Бана Вэнь-ди.

За 23 года своего правления (179–157 гг. до н.э.) Вэнь-ди много сделал для возрождения конфуцианских традиций и процветания ханьского Китая. Он начал с того, что объявил всеобщую амнистию, щедро наградил очередными рангами чуть ли не всех их обладателей, отметил особенными наградами и пожалованиями тех, кто сыграл главную роль в искоренении клана Люй и наведении порядка в стране. Вэнь-ди отказался от жестокой практики наказания за преступления родственников преступника. При этом он ссылался на конфуцианский тезис о том, что чиновники обязаны воспитывать народ, а не наносить ему вред несправедливыми законами. По случаю назначения наследником своего сына и возведения в ранг

---

¹ Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II–III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1981. № 4. С. 37-38.

императрицы его матери Вэнь-ди снова щедро наградил многих и особенно выделил неимущих, вдов и сирот, бедных и одиноких, а также стариков старше восьмидесяти, которым были пожалованы шелка, рис и мясо. Награды были даны и ветеранам, приближенным Лю Бана¹.

В день солнечного затмения в 178 г. до н.э. Вэнь-ди выступил с покаянным обращением к народу, скорбя о своем несовершенстве и предлагая по древнему обычаю выдвигать мудрых и достойных, готовых послужить на благо народа. В том же году он лично провел борозду на храмовом поле и объявил о праве каждого выступать с критическими замечаниями в адрес самого высокого начальства. В 177 г. до н.э. Вэнь-ди заключил с то и дело беспокоившими Поднебесную северными соседями сюнну договор о братстве. Он разрешил части сюнну расположиться в районе Ордоса, т.е. на землях Поднебесной к югу от стены, где издревле обитали кочевники и заниматься земледелием было делом рискованным².

Вэнь-ди был щедр на милости, он прощал восстававших против него мятежных аристократов, выступал за смягчение наказаний, особенно телесных, отменил в 166 г. до н.э. земельный налог, одновременно усилив пошлины и подати с городского населения, торговцев и ремесленников (налог был восстановлен после его смерти в 156 г. до н.э.)³. Император заботился о своевременном приношении жертв, о процветании народа, об умиротворении сюнну. В неурожайный 159 год до н.э. он сильно сократил престижные расходы двора, открыл казенные амбары для выдач голодающим и разрешил продавать ранги, а также обладающим рангами бедным крестьянам уступать их более зажиточным соседям. Дело дошло до того, что в конце жизни Вэнь-ди потребовал от своих домашних одеваться в простую одежду, не носить дорогих украшений и завещал после его смерти не

---

¹ Малявин В.В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 90-91.

² История Китая. М., 1998. С. 167-169.

³ Крюков М.В. Новые данные о земельных налогах в эпоху Хань // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 77-79.

слишком тратиться на дорогостоящие траурные обряды¹.

Вэнь-ди умер в 157 г. до н.э. Впоследствии он был очень высоко оценен потомками, восхвалявшими его добродетели. Сыма Цянь пишет, что при Вэнь-ди "в землях среди четырех морей царило изобилие и богатство, а в народе процветали установленные нормы поведения и чувство долга"². Стоит заметить, что достоинства Вэнь-ди хорошо вписывались в традиционные представления о мудром и добродетельном правителе, и именно он был первым из ханьских императоров, которого можно считать образцовым с точки зрения конфуцианства. Это означает, что примерно за треть века ханьский Китай сильно переменялся. Скомпрометированный жестокими годами тяжелых экспериментов легизм ушел в прошлое, оставив в качестве наследства централизованную бюрократическую систему и немалое количество связанных с ней институтов. Усилиями конфуцианцев это наследство было серьезно трансформировано и к эпохе Вэнь-ди достаточно легко вписывалось в те воспетые схемами Чжоули патерналистские традиции, которые стали явственно выходить на передний план.

Вэнь-ди наследовал в 157 г. до н. э. его сын Лю Ци. Это был император Цзин-ди. При нем была сделана первая попытка урезать права чжухоу (владельцев князей). Известно, что в начальный период своей истории империя Западная Хань еще далеко не была централизованным государством. Если срединные земли и западные провинции находились под непосредственным управлением императора, то, начиная от Гуаньчжуна и далее на восток, простирались наследственные владения знати, носившей громкие титулы хоу и ванов (большой частью это были многочисленные представители семейства Лю). Чжухоу сами назначали чиновников на подвластной им территории и даже имели собственные дворы. До поры до времени императоры должны были мириться с таким положением дел. Но в 154 г. до н. э. советник Цзин-ди, Чао Цо, смело выступил против самого

---

¹ Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 122-123.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 245.

могущественного из чжухоу – племянника Гао-цзу, Лю Пи. Своим возвышением этот ван был обязан счастливому стечению обстоятельств. В начале своего правления (в 205 г. до н. э.) Гао-цзу отменил циньские деньги и разрешил свободную отливку монет. Лю Пи, во владениях которого находились богатые залежи медной руды, начал отливать деньги в таком количестве, что, по свидетельству Сыма Цяня, его монеты "распространились по всей Поднебесной", а сам он "богатством сравнился с Сыном Неба". Вскоре Ли Пи стал держать себя настолько независимо, что даже отказался от обязательных для всех ванов ежегодных посещений императора с изъявлением покорности и подношением даров¹. В связи с этим Чао Цо обвинил Лю Пи в нарушении верности императору и потребовал отторжения значительной части его владений. Сходные обвинения были предъявлены и некоторым другим могущественным ванам. В ответ те подняли мятеж, известный в истории как "мятеж семи ванов". Восставшие потребовали казнить Чао Цо. Надеясь этой дорогой ценой восстановить мир в стране, Цзин-ди выдал им голову своего сановника. Однако эта уступка только раззадорила мятежников. Лю Пи объявил себя претендентом на императорский престол. Началась война, и только через несколько месяцев мятеж с большим трудом удалось подавить. Часть ванов была казнена, часть покончила с собой. Их семьи и родственники были порабощены. Это была важная победа центральной власти².

Годы правления сына Вэнь-ди и внука Лю Бана императора Цзин-ди (156-141 гг. до н.э.) были отмечены амнистиями, демонстрировавшими милосердие к падшим. Цзин-ди умиротворял сюнну, гасил мятежи удельных князей, занимался упорядочением администрации, а в своем посмертном эдикте всех пожаловал очередным административным рангом. Важно заметить, что в годы его правления началось планомерное наступление на права удельных князей, земли которых урезались, что подчас служило

---

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2. С. 242

² История Китая. М., 1998. С. 173.

поводом для мятежей.

Преемником Цзин-ди был его сын и правнук Лю Бана Лю Чэ, император У-ди (140–87 гг. до н.э.). Именно за годы его правления, которое было одним из наиболее долгих и плодотворных в истории Китая, конфуцианство не только окончательно вышло на передний план и стало основой образа жизни китайцев, но и оказалось фундаментом всей зрелой китайской цивилизации. С этого времени, с царствования ханьского У-ди, почти полуторатысячелетний период древнекитайской истории – истории урбанистических государственных образований и складывания цивилизационных основ – завершает свой путь и передает эстафетную палочку истории развитой и сложившейся конфуцианской империи.

Ханьский Китай времен У-ди – это период расцвета еще недавно, чуть более полувека назад воссозданной из руин империи. Земледелие в стране процветало, причем налоги были сравнительно низкими, обычно не более 1/15 части урожая. Правда, они дополнялись подушной податью, а также различного рода отработками и повинностями, но в целом все это было обычно и потому терпимо¹. Резко увеличилось население страны, достигшее в I в. до н.э. 60 млн человек. Освоение новых земель дало толчок развитию агротехники, включая пахоту с применением тяглового скота (впрочем, оставшуюся достоянием лишь немногих), а также грядковую систему обработки земли вручную (именно при этом способе обработки крестьяне в подавляющем своем большинстве получали хорошие урожаи со своих полей). Тщательно поддерживались старые и по мере необходимости создавались новые ирригационные системы. В порядке были дороги, а вдоль дорог поднимались новые города, число которых с начала имперского периода истории Китая непрерывно увеличивалось².

У-ди немало заимствовал из легистского опыта, переняв и развив те его стороны, которые оказались жизнеспособными и даже необходимыми для

---

¹ Крюков М. В. Новые данные о земельных налогах в эпоху Хань // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 80.

² Кудрин В. И. Экономическая политика в период Западной Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 66-68.

управления империей. Он восстановил учрежденную еще во времена Цинь Ши-хуана государственную монополию на соль, железо, отливку монет и изготовление вина, причем механизмом реализации этой монополии, весьма выгодным для казны, была система откупов. Богатые торговцы и ремесленники из числа зажиточных городских и особенно столичных жителей выплачивали в казну огромные деньги за право заниматься солеварением, металлургическим промыслом, винокурением или изготовлением монет и за получение дохода от всех этих производств. В городах существовали и казенные предприятия, где работали (чаще всего в порядке отработок, т.е. трудовой повинности) лучшие ремесленники страны. Они изготавливали самые изысканные изделия для престижного потребления верхов, а также оружие и снаряжение для армии и многое другое. Все это способствовало развитию хозяйства и увеличению числа частных собственников. Отношение к частным собственникам и особенно к богатым торговцам в ханьском Китае не отличалось от чжоуских времен, хотя и не было столь бескомпромиссным, как в шанъяновском легизме. Богатые торговцы жестко контролировались властью, возможности реализации их богатств были законодательно ограничены, хотя им разрешалось тратить деньги на покупку социально престижного ранга либо определенной – не слишком высокой – должности¹.

У-ди многое взял от административной системы легизма. Страна была разделена на области во главе с ответственными перед центром губернаторами. Важную роль, как и в Цинь, играла система повседневного контроля в лице облеченных высочайшими полномочиями цензоров-прокуроров. Преступники подвергались суровым наказаниям, нередко их, а то и членов их семей обращали в рабов-каторжников, использовавшихся на тяжелых работах, в основном строительных и горнодобывающих. В целях усиления централизации власти в 121 г. до н.э. был издан указ, фактически ликвидировавший систему уделов – каждому владельцу удела

---

¹ Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 164-166.

законодательно предписывалось делить свое владение между всеми его многочисленными наследниками, что призвано было окончательно ликвидировать влиятельную прослойку наследственной знати, временами порождавшую мятежи и общую нестабильность в империи¹.

Будучи сильным и умным политиком, У-ди уделял огромное внимание внешнеполитическим проблемам, главной из которых были все те же сюнну (хунну), активизировавшиеся на северных границах. Готовясь к войне с этим грозным противником, император провел важную военную реформу. Основной силой китайского войска после нее стали тяжеловооруженные всадники, закованные в пластинчатые доспехи. Их поддерживала легкая конница и исключительно боеспособная пехота, имевшая на вооружении мощные самострелы (дальнобойность и пробивная сила их стрел были очень велики – они пронзали насквозь даже самые толстые доспехи и щиты)². Первые походы против хунну преследовали цель оттеснить их за пределы Китайской стены. К 127 г. до н. э. У-ди удалось вернуть земли, расположенные южнее излучины Хуанхэ. В короткий срок по берегам реки были построены крепости и возведены новые укрепления. В результате походов 124 и 123 гг. до н. э. кочевников оттеснили еще дальше на север³. В 121 г. основной центр нападений на хунну переместился на запад – в провинцию Ганьсу. В результате похода Хо Цюй-бина хунну изгнали из Ганьсу и отрезали от союзных с ними племен цян, населявших Тибетское нагорье. В 119 г. до н. э. полководцы Вэй Цин и Хо Цюй-бин с 200-тысячной армией перешли Великую пустыню (Гоби) и, неожиданно напав на хунну, нанесли им новое тяжелое поражение. С этого времени, по свидетельству китайских источников, хунну более не решались проникать в районы, расположенные "южнее пустыни"⁴. Вместе с тем победа открыла китайцам

---

¹ Илюшечкин В.П. Сословная и классовая структура общества в Древнем и средневековом Китае // Социальные организации в Китае. М., 1931. С. 88-90.

² Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 128.

³ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968. С. 89-91.

⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 147-158.

дорогу в западные земли – Туркестан и Среднюю Азию. У-ди проявил большой интерес к этим странам. На отвоеванной у кочевников территории от Цзиньчэна до Дуньхуана была возведена мощная линия укреплений и образованы четыре новые области. В 110 г. до н. э. империи покорилось племя цян, бывшее последней преградой на пути общения Хань с западными странами¹.

Еще в 138 г. до н.э. в поисках союзников в борьбе с хунну на северо-запад был послан Чжан Цянь, который вначале попал в плен к хунну на долгие десять лет, но затем сумел бежать и выполнить возложенное на него поручение. Разведав территорию и изучив народы, обитавшие к западу от сюнну, Чжан Цянь после долгих лет странствий возвратился домой и составил для императора подробный отчет о своем путешествии. Отчет этот, будучи включен в качестве особой главы в сводный труд Сыма Цяня, дошел до наших дней и весьма помогает специалистам, изучающим историю бесписьменных народов, живших к северу от Китая в ханьское время².

У-ди был удовлетворен полученными от Чжан Цяня сведениями. И хотя главной цели – создания коалиции против хунну – экспедиция не достигла, она дала много материала для оценки политической ситуации на северо-западных границах ханьского Китая. Получив сведения о великолепных даваньских (ферганских) лошадях, У-ди послал военные экспедиции в Ферганскую долину. В 104 г. до н. э. прославленный ханьский полководец Ли Гуан-ли совершил первый поход на Фергану. Он продолжался два года и закончился неудачей. В 102 г. до н. э. была предпринята новая попытка. С большим трудом китайцам удалось добраться до столицы Ферганы – города Эрши и осадить его. В конце концов ферганцы согласились выдать Ли Гуан-ли в качестве выкупа несколько тысяч своих замечательных лошадей и признали над собой власть ханьского императора³. Кроме лошадей, которые

---

¹ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 403.

² Кроя Ю. Л. Сыма Цянь - историк. М., 1970. С. 79.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 160-168

были в результате этого привезены в императорские конюшни, походы на Давань позволили открыть регулярные торговые связи с народами, обитавшими на территории современного Восточного Туркестана. С этого времени торговые караваны с китайским шелком беспрепятственно отправлялись в Бактрию, Индию, Согдиану, достигали Парфии и проникали еще дальше на запад. Торговля эта была чрезвычайно выгодна и приносила огромные доходы казне. Эти связи, обязанные своим происхождением в конечном счете Чжан Цяню, впоследствии получили наименование торговли по Шелковому пути, ибо из Китая на запад по вновь открытым торговым путям везли преимущественно высоко ценимый там шелк, доходивший транзитом до Рима. Великий шелковый путь с тех пор функционировал веками, хотя и нерегулярно, связывая со странами Запада оторванный от других развитых цивилизаций Китай.

У-ди вел успешные войны и в других направлениях. Так, в 111–110 гг. до н. э. было завоевано северовьетнамское царство Намвьет, а в 108 г. до н. э. – разгромлено северокорейское царство Чосон¹.

Успешная внешняя политика У-ди способствовала не столько развитию торговых связей с дальними странами (им в Китае придавали мало значения), сколько расширению территории империи, укреплению ее границ. И во внешней, и тем более во внутренней политике император преследовал цель упрочить фундамент императорской власти и возродить ту славу о великой и процветающей Поднебесной, которая была едва ли не важнейшим элементом высокочтимой китайской традиции. Неудивительно поэтому, что сам У-ди потратил немало усилий для того, чтобы не просто возродить влияние конфуцианства в империи (этот процесс давно и успешно шел после крушения Цинь и без его усилий), но воссоздать новое, имперское, или, как его иногда называют, ханьское, конфуцианство. Принципиальное отличие имперского конфуцианства было не столько в доктрине, которая осталась практически неизменной, сколько в новом подходе к заново сложившимся

---

¹ Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 132.

реалиям, в новом отношении к изменившемуся со времен Конфуция миру. Или, иначе говоря, в большей его терпимости к иным доктринам, тем более поверженным, не выдержавшим испытание историей. И дело здесь не только в синтезе как идее, которая давно уже, веками пробивала себе дорогу. Гораздо важнее был тот самый принцип практической пользы, прагматического восприятия мира, который сложился в Китае во многом под влиянием все того же конфуцианства¹.

У-ди хотел, чтобы новая официальная имперская идеология впитала в себя все то полезное, что помогло стране и ему лично, всей династии Хань наладить управление империей и опираться при этом на народ, воспитанный на идеалах и традиции, но в то же время уважающий силу и подчиняющийся власти. В первую очередь это означало сближение доханьского конфуцианства с легизмом, точнее, с теми элементами легизма, которые вполне могли сосуществовать с конфуцианством и даже подкрепить его порой основанные на благих пожеланиях постулаты. Ведь и конфуцианцы, и легисты считали, что управлять Поднебесной должны государь с его министрами и чиновниками, что народ должен уважать власть и подчиняться ее представителям и что все это в конечном счете способствует благу и процветанию, миру и счастью подданных. Стоит вспомнить, что примерно таким языком говорил и Цинь Ши-хуан в его стелах². Разница же между доктринами и особенно их реализацией была в том, какими методами следует достигать поставленных целей. Конфуцианцы делали упор на самосознание и самоусовершенствование людей, на воспитание в них гуманности, добродетели, чувства долга и уважения к старшим. Легисты – на запугивание, подчинение и суровые наказания за неповиновение. В этой ситуации умелое сочетание конфуцианского пряника с легистским кнутом могло дать и реально дало весьма позитивные результаты³. Но это было еще

---

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 133-140.

² Переломов Л.С. Империя Цинь - первое централизованное государство в истории Китая. М., 1962. С. 136.

³ Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II-III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1981. № 4. С. 38.

далеко не все.

У-ди собрал около себя около ста выдающихся ученых-*боши*¹, которым время от времени, как о том повествуется в 56-й главе династийной истории Хань-шу, задавал важные для него вопросы о том, как следует управлять империей, по каким критериям подбирать помощников и чиновников, как интерпретировать древнюю мудрость применительно к задачам сегодняшнего дня и т.п. Насколько явствует из текста главы, наиболее умные и точные ответы на поставленные вопросы давал старший современник У-ди, выдающийся конфуцианец ханьского времени Дун Чжун-шу².

Дун Чжун-шу был не просто великолепным знатоком и ревностным адептом учения Конфуция, на изречения которого он постоянно ссылался и чью хронику «Чуньцю» сделал основой собственного сочинения «Чуньцю фаньлу». Исторической заслугой этого выдающегося мыслителя было то, что он сумел вплести в ткань конфуцианства возникшие и вошедшие в обиход, обретшие популярность и признание новые неконфуцианские идеи, будь то связанные с именем Цзоу Яна концепции об *инь-ян* и *у-син*, некоторые идеи Мо-цзы (например, о небесных знаменьях) или даосов с их категорией *ци* и иными элементами космогонии в древнеиндийском стиле, т.е. с немалой Долей мистики. Именно в этой внешне весьма эклектической идейно-философско-религиозной доктрине и нашел свое завершение тот синтез, о котором уже не раз упоминалось³.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что этот синтез был ненавязчив, он лишь вплетался узорами в конфуцианскую ткань; что конфуцианство было основой учения Дуна, которое и легло затем в фундамент государственной официальной идеологии китайской империи и получило название ханьского конфуцианства. Интересно заметить, что

¹ Боши – почетное ученое звание, своего рода профессора

² Григорьева Т.П. Махаяна и китайские учения (попытка сопоставления). // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973. С. 236.

³ Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II-III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1981, - № 4. С. 39-40.

именно у Дуна впервые прозвучала идея о том, что сам Конфуций обладал всеми достоинствами для того, чтобы Небо в свое время обратило на него внимание и вручило ему Великий Мандат на управление Поднебесной. Хотя этого, как известно, не случилось, о чем в свое время скорбел и сам Конфуций, такого рода допущение лишь возвеличивало великого мудреца в глазах поколений¹.

Нельзя сказать, что после нововведений Дун Чжун-шу в китайской империи больше не было споров, затрагивающих приоритет конфуцианства. Они проявили себя, например, в ходе оживленной дискуссии по поводу государственных монополий, состоявшейся в 81 г. до н.э. при преемнике У-ди императоре Чжао-ди и зафиксированной чуть позже Хуань Куанем в трактате «Янь те лунь» (Спор о соли и железе). Борьба вокруг того, оставить монополии или упразднить, вылилась в открытый спор между теми, кто склонялся в пользу легистских методов управления (государственные монополии), и конфуцианцами, считавшими, что не сила государства, а добродетели государя должны привлекать людей². Здесь важна даже не дискуссия сама по себе (хотя она и весьма, интересна, ибо уделила много внимания аргументации сторон), сколько то, что в конечном счете спор между представителями разных подходов к управлению империей внес свой весомый вклад в создание той самой гигантской иерархической системы централизованной бюрократической администрации, которая в ее идеальной форме была предложена конфуцианцами еще в трактате «Чжоули». Разумеется, теперь схема «Чжоули», обогащенная заимствованными у легистов хорошо разработанными институтами управления, перестала быть идеальной конструкцией, а, напротив, обрела плоть и кровь, превратилась в реальность. Собственно с обретением этой реальности имперский Китай и стал тем государством, которым он продолжал быть, с незначительными идейными и институциональными изменениями, вплоть до XX в.

---

¹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 137.

² Мартынов Л.С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. М., 1974. С. 38-39.

Таким образом, древнекитайский период становления основ цивилизации и государственности, создания зрелого и достаточно совершенного в основных своих параметрах аппарата администрации централизованного государства пришел к своему логическому завершению. В ханьском Китае времен У-ди конфуцианско-легистский аппарат власти с его вышколенными чиновниками, тщательно отбирившимися перед назначением на должность из числа хорошо зарекомендовавших себя знатоков официальной конфуцианской доктрины, стал итогом длительного процесса синтеза идей и эволюции политических и социальных институтов¹. Необходимый элемент принуждения в рамках имперской администрации гармонично сочетался с традиционным патернализмом, а веками воспитывавшаяся социальная дисциплина ориентированных на почтение к старшим подданных подкреплялась конфуцианским духом соперничества и самоусовершенствования, который в условиях имперского Китая всегда был двигателем, позволявшим огромной административной машине не застояться, не заржаветь. И хотя после У-ди ханьский Китай вступил в полосу затяжного кризиса (вообще последующая история страны развивалась циклами, от расцвета и стабильности к кризису и упадку, а затем к очередному расцвету), заложенных традицией, преимущественно конфуцианством, потенциалов вполне хватило для того, чтобы китайская цивилизация и государственность сохранили свою жизнеспособность.

Вообще, в царствование У-ди Ханьская империя превратилась в одно из самых обширных, богатых и густонаселенных государств мира. Земледелие процветало. Тщательно поддерживались старые и по мере необходимости создавались новые ирригационные системы. В порядке были дороги, а вдоль дорог поднимались новые города. Однако это процветание продолжалось недолго. Слабые и безвольные преемники У-ди не сумели совладать с созданным им сложным аппаратом управления империей, и на местах вскоре

---

¹ Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II-III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1981. № 4. С. 40.

почувствовали ослабление центральной власти. Прежде всего, это проявилось в быстром имущественном расслоении сельского населения. Первые ханьские императоры хорошо понимали, какую опасность для единства государства таит в себе этот процесс, и потому всегда вели борьбу против концентрации земельной собственности. У-ди уделял этому особенно большое внимание. При нем существовали специальные цензоры, в обязанности которых входило следить за тем, чтобы "земли и дома местных могущественных семей не превышали установленной нормы". Таким образом, в деревне искусственно поддерживалось имущественное равенство. После смерти императора контроль за этой важной сферой общественной жизни ослаб. Вследствие этого повсеместно стали возникать крепкие хозяйства, которые быстро богатели и прибирали к рукам все новые и новые земли. Их прежние хозяева были вынуждены или продавать себя в рабство, или умирать голодной смертью¹. Через несколько десятилетий "сильные дома" настолько усилились, что повсеместно стали создавать свои вооруженные отряды и фактически начали подменять собой местную власть.

О пропасти, возникшей между бедными и богатыми, сообщают многие источники. Так, автор трактата "Янь те лунь" пишет, что в то время, как богатые люди имеют особняки, подобные дворцам, и живут в роскоши, одевая даже слуг в изысканные шелка, а их лошади и собаки едят хлеб и мясо, бедняки ютятся в хижинах, одеваются в лохмотья и питаются самой скудной и грубой пищей. Процесс разорения и обезземеливания крестьян ускорился также вследствие недальновидной политики ханьских императоров. Уже при сыне У-ди, Чжао-ди, поборы стали более тяжелыми и произвольными, подати стали взиматься когда вздумается, без соблюдения сроков. Прекратился государственный контроль за ирригационной системой. Оросительные сооружения не ремонтировались годами, участились наводнения и засухи, и как следствие всего этого – стали разгораться

---

¹ Степугина Т.В. О способах порабощения в древнем Китае во времена империй Цинь и Старшей Хань. — Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952. С. 77-79.

волнения и мятежи¹.

1.2. Внутренняя ситуация и развитие Ханьского государства при наследниках императора У-ди

После смерти У-ди ханьский Китай, как упоминалось, вступил в длительный период стагнации, а затем кризиса. Если в годы сильной централизованной власти в функции специально назначавшихся инспекторов (тех же цензоров-прокуроров, которые существовали при династии Цинь) входило, помимо прочего, следить за тем, чтобы «земли и дома местных могущественных семей не превышали» установленной нормы, а правители на местах «справедливо вершили суд и не притесняли народ», то с развалом эффективной власти центра ситуация резко изменилась. Слабые и безвольные преемники У-ди оказались не в состоянии контролировать власть на местах. Более того, слабостью ханьской империи была недостаточная степень институционализации именно низшего звена администрации. Еще не установилась твердая и апробированная практика подготовки и умелого использования кадров чиновников этого самого массового низового уровня. Кроме того, слабости неустоявшейся системы комплектования чиновников способствовало ожесточенное соперничество местной элиты с формирующимся имперским бюрократическим аппаратом².

Дело в том, что за вторую половину I тыс. до н.э. существенно изменился характер древнекитайской деревни-общины. Если до того деревня-община представляла собой совокупность примерно одинаковых по степени зажиточности дворов, а имущественная разница между ними, коль скоро она становилась заметной, гасилась за счет спорадического перераспределения общинной земли, то с развитием процесса приватизации

---

¹ Кудрин В.И. Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 57; Кудрин В.И. Экономическая политика в период Западной Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 68-70.

² Малявин В.В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 91-92.

и товарно-денежных отношений неравенство, пусть не сразу, стало заметным и в деревне. Особенно социальное и имущественное неравенство стало проявлять себя именно в ханьское время, когда жесткие стандарты легизма, сурово ограничивающие частного собственника, были существенно ослаблены и очень многое зависело от того, сколь эффективно осуществляют контроль над страной государственный аппарат, имперская власть центра¹.

Пока власть, особенно при У-ди, была сильна, равенство в деревне искусственно поддерживалось (за чем и обязаны были, как о том только что упоминалось, следить специальные инспектора). Но как только власть начала слабеть, центробежные силы на местах все активнее стали проявлять свои возможности. В деревнях возникали крепкие хозяйства, которые быстро богатели и прибирали к рукам все новые и новые земли, превращая их вчерашних обладателей в арендаторов и наемников. Возникавшие на этой экономической основе так называемые «сильные дома» (в текстах они именовались различными терминами) делили между собой (порой в ходе жестокого соперничества) власть и влияние. Обездоленные крестьяне нередко должны были покидать свои родные места и уходить на новые, где они оказывались в положении зависимых клиентов (*кэ*, букв. – «гость») от все тех же деревенских богатеев. Вынужденные в условиях неэффективной власти центра сами заботиться о своем благополучии, сильные дома обростали набранной из неимущих и пришлых людей домашней стражей (*буцзюй*), которая в критической ситуации могла выступать как вполне боеспособное воинское формирование².

Ворочая многими миллионами, а то и десятками миллионов монет, о чем часто упоминается в источниках, сильные дома не только становились общепризнанной и имеющей реальную власть элитой империи, но и обретали возможности для влияния на аппарат администрации. Более того, аппарат администрации на уровне уезда и округа в основном комплектовался именно

---

¹ Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 178-181.

² Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979. С. 148-149.

из представителей этих сильных домов и уж во всяком случае сильно зависел от их «общего мнения».

Почему сильные дома в период упадка империи оказались в ханьской деревне столь влиятельной силой? Дело в том, что помимо чисто экономических факторов (обогащение деревенского меньшинства в условиях товарного хозяйства) мощи богатых кланов в сельской общине активно способствовали и некоторые другие. Во-первых, как только стало возможным правдами и неправдами приобретать общинные земли, все получавшие высокие оклады чиновники и обогатившиеся за счет рыночных операций собственники начали стараться вкладывать свои доходы именно в землю, что было не столь прибыльным, сколь престижным и надежным. Это, естественно, способствовало практическому слиянию деревенской элиты со всеми сильными мира сего, и прежде всего с влиятельной элитой чиновников. Во-вторых, важную роль играло ослабление власти как таковой¹.

В условиях эффективной власти центра любой причастный к власти был прежде всего чиновником и лишь во вторую очередь – собственником. Тот краеугольный постулат, что власть порождает и сохраняет свою собственность и что собственность власть имущего опосредована именно его причастностью к аппарату администрации, был понятен всем, ибо восходил к древнему принципу власти-собственности. Но коль скоро наступал кризис власти и казна соответственно пустела, а интересы чиновника оказывались существенно затронутыми, ситуация изменялась. Чиновники, с одной стороны, начинали более жестко давить на и без того стонавшую от ударов кризиса деревню, что вело к разорению крестьян и углублению кризиса, а с другой – они все больше ощущали интересы собственников как свои и даже (в изменившейся ситуации) как первостепенные².

---

¹ Кудрин В.И. Экономическая политика в период Западной Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 71.

² Васильев Л.С. Государство и государственный способ производства в Древнем Китае // «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. -Вып. 1.-М., 1981. С. 144-146.

Сплетение интересов деревенской имущественной элиты и аппарата администрации на местах в свою очередь резко усугубляло экономический кризис, что влекло за собой дальнейшее ослабление и политическую децентрализацию государства. Именно этот процесс и наблюдался в конце первой династии Хань. Он проявлялся прежде всего в ощутимом уменьшении роли государственного администрирующего начала в стране, а также в том, что функции власти фактически оказывались в руках сильных домов с их обширными землями, денежными ресурсами, обильной клиентеллой и к тому же с претензиями на высокий нравственный потенциал, аристократизм духа и высокие конфуцианские стандарты¹.

Восприняв в качестве социально-нравственной основы конфуцианский идеал благородного мужа (*цзюнь-цзы*) и стремясь своим образом жизни продемонстрировать высшие нормативы бытия воспетого в конфуцианских трактатах типа «Или» слоя аристократов-чиновников *ши*, представители деревенской элиты (все те же сильные дома) именно себя считали охранителями добродетельных устоев рушащейся под ударами кризиса империи. Именно себя они все чаще именовали «надеждой народа» и «достойными мужчинами», обладающими нравственной чистотой истинных *ши*. Стремясь сохранить за собой право на выражение «общего мнения» и выступления с позиций «чистой критики», сильные дома ревниво следили друг за другом, что объективно способствовало сохранению и культивированию в их среде высокого стандарта конфуцианской нормы, более того, – формированию своеобразного аристократизма духа. Аристократизм этот отличался от соответствующего стандарта феодальной структуры Чуньцю тем, что опирался не столько на реалии социально-политических прерогатив наследственной знати, сколько на высокую репутацию, на создание и сохранение конфуцианского «лица». «Потерять лицо», т.е. лишиться репутации, было для ревностного конфуцианца непереносимым

---

¹ Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 177.

ударом, вынести который мог далеко не каждый из них¹.

Разумеется, все эти черты и важнейшие характерные признаки элиты формировались в ханьском Китае постепенно, оттачиваясь веками. Но именно они означали, что идеи и замыслы У-ди и Дун Чжуншу, положенные в фундамент послещиньской империи, начали обростать традициями. Теми самыми конфуцианскими традициями, которым суждено было сохраниться в веках и оказывать свое влияние на Китай вплоть до наших дней. И следует особо подчеркнуть, что с наибольшей силой и эффективностью эти традиции реализовывали себя лишь в условиях сильной власти центра, тогда как при ослаблении этой власти они только сохранялись, причем прежде всего и главным образом именно на низовом уровне, на уровне все той же местной элиты².

Вплоть до конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. внешняя политика Ханьской империи носила в основном пассивный характер. Ханьские войска лишь в 36 г. до н.э. предприняли дальний поход против сюнну, активизировавшихся в Западном Крае. Это на некоторое время укрепило власть Ханьской империи в Западном Крае, но уже через несколько лет сюнну возобновили набеги на северо-западные границы Ханьской империи, и в начале I в. н.э. им удалось подчинить своему влиянию весь Западный Край³.

С последней четверти I в. до н.э. по стране прокатилась волна восстаний рабов. На рубеже I в. н. э. империя оказалась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Многие государственные деятели усматривали его причину в росте крупного землевладения и рабовладения⁴.

Через всю внутреннюю историю империи Ранней Хань красной нитью проходит борьба против концентрации частной земельной собственности, но к концу I в. до н.э. она приобретает исключительную остроту. Как

---

¹ Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 2. С. 84-92.

² Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II-III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1981. № 4. С. 42.

³ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1973. С. 88-95.

⁴ История Китая. М., 1998. С. 190-191.

показывают относящиеся к этому времени доклады сановников Ши Даня, Кун Гуана и Хэ У, вопрос о земле тесно связывается с вопросом о рабах. Две эти общественные проблемы выступают как основные во всех проектах реформ и законах начала I в. н. э. Наиболее дальновидные представители правящего класса сознавали необходимость проведения реформ с целью ослабления напряжения в обществе.

Попытка проведения подобных мероприятий была предпринята при императоре Ай-ди (6-1 гг. до н.э.): проект указа устанавливал максимальный размер частных земельных владений в 30 цинов (ок. 138 га), а количество рабов у собственников, в зависимости от их общественного положения, ограничивал нормой в 200 рабов у сановной и родовитой знати и 30 рабов у простолюдинов и мелких чиновников (без учета рабов старше 60 и моложе 10 лет). Государственных рабов старше 50 лет предлагалось отпустить на волю. Однако этот проект вызвал такой протест рабовладельцев, что не могло быть и речи о его проведении в жизнь, так же как и других проектов подобного рода, хотя они касались ограничения рабовладения и землевладения только у простолюдинов и мелких служащих¹. После провала политики реформ в стране вспыхнули восстания.

Проявления глубокого кризиса с каждым годом ощущались все острее, но слабые ханьские императоры уже не имели сил помешать этому, так как лишились реальной власти. В последние годы существования династии Западная Хань, и в особенности со времен царствования императора Юань-ди, политическая власть постепенно переходила к могущественному роду Ван. Жена Юань-ди, императрица Ван, подобно императрице Люй, сумела предоставить все важнейшие посты своим родственникам. Три ее брата были регентами и управляли империей в 33–8 гг. до Р. Х. В 8 г. до Р. Х. регентом стал ее племянник Ван Ман. В 1 г. до Р. Х. он возвел на престол Пин-ди, которому было тогда всего лишь 9 лет, и мог вполне пользоваться своим

---

¹ Илюшечкин В.П. О господствующих способах эксплуатации в Древнем и средневековом Китае // Китай: государство и общество. М., 1977. С. 239.

всевластьем. Однако роль всесильного временщика казалась Ван Ману уже недостаточной – он мечтал сам стать императором. В 6 г., в день Нового года, представляясь с другими принцами, чтобы выразить почтение Пин-ди, Ван Ман положил яд в императорскую чашу с вином. От действия выпитого напитка с юным государем случился припадок, и он умер в мучительной агонии. Вместо Пин-ди Ван Ман возвел на престол представителя боковой линии рода Лю – двухлетнего Жу-цзы Ина (императора Ин-ди). Спустя два года тот также был низложен, и Ван Ман, совершив все положенные церемонии, принял титул императора. Основанная им династия получила название Синь (Новая)¹.

---

¹ Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 149-152.

Глава 2. ВТОРАЯ (МЛАДШАЯ) ДИНАСТИЯ ХАНЬ (25-220 гг. н. э.)

2.1. Правление и реформы Ван Мана

Став императором и проявив себя ревностным конфуцианцем, ярким сторонником традиций, Ван Ман приступил к реформам, являвшим собой причудливую смесь идеализированных конструкций с реальными и даже суровыми мерами, направленными на подрыв всемогущества самовластной элиты на местах. Первой и главной задачей нового императора было укрепление государственной власти и всей тесно связанной с ней системы централизованной редиистрибуции.

Именно с этой целью Ван Ман объявил все земли в империи государственными и строго запретил их куплю-продажу. Конфискованные таким образом владения сильных домов предназначались для распределения между всеми теми частнозависимыми, кто не имел своей земли и находился на положении арендаторов, клиентов, а то и просто рабов в домохозяйствах могущественных деревенских кланов. В качестве нормативного принципа для распределения была избрана схема Мэн-цзы о цзин-тянь, причем утопичность ее нимало не смутила реформатора, для которого самым важным были не строго поделенные на четкие квадраты по 100 му (ок. 7 га) поля, но сам принцип, заложенный в этой схеме. Принцип же исходил из того, что есть только два вида земельного владения – крестьянский и государственный, и, таким образом, во взаимоотношениях между земледельцем и казной нет места никаким посредникам, вчерашним богачам-собственникам¹.

Кроме реформ в сфере земельных отношений Ван Ман издал специальный указ о ликвидации частного рабства, запрете купли и продажи

---

¹ Кудрин В.И. Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 59.

людей. Все рабы автоматически приобретали статус зависимых и соответственно оказывались под определенным покровительством со стороны государства, что тоже явилось сильнейшим ударом прежде всего по сильным домам и их хозяйствам. Рабами – в соответствии с древней традицией – оставались лишь преступники, причем количество рабов этой категории при Ван Мане резко возросло за счет суровых наказаний всех тех, кто нарушал новые законы либо активно им противодействовал. Специальными указами Ван Ман ввел потерявшие было уже силу государственные монополии на вино, соль, железо и даже кредит. В стране были пущены в оборот монеты нового типа, отливка которых также стала монополией государства¹.

Реформы встретили отчаянное сопротивление тех, кто по указам императора лишался едва ли не всего своего имущества, всех поколениями накопленных богатств. Стремясь подавить недовольство, реформатор не стеснялся прибегать к репрессиям, опираясь при этом, что важно подчеркнуть, на аппарат администрации. Используя новые порядки; аппарат администрации извлекал из экспроприации чужих богатств немалые выгоды для себя. А так как для проведения реформ в жизнь и для укрепления аппарата власти в столь трудной для империи обстановке требовались немалые расходы, то Ван Ману пришлось пойти и на некоторые непопулярные меры – он увеличил налоги и ввел ряд новых поборов и повинностей с различных категорий населения². Это последнее, видимо, сыграло едва ли не решающую роль в росте недовольства реформами.

Оценивая реформы в целом, необходимо заметить, что в принципе они были достаточно продуманными и при умелом проведении их в жизнь вполне могли бы вывести страну из состояния кризиса. Правда, в любом случае это обошлось бы стране достаточно дорого. Но легкими и безболезненными реформы, да еще в момент тяжелого кризиса, едва ли

---

¹ История Китая. М., 1998. С. 199.

² Крюков М.В. Новые данные о земельных налогах в эпоху Хань // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 84.

бывают вообще. Поэтому нельзя считать, что Ван Ман действовал неумело и потому проиграл. Решающую роль в его судьбе, как и в судьбах империи, сыграло иное: в 11 г. своенравная Хуанхэ изменила свое русло, что привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению полей, разрушению городов и поселков¹.

Хуанхэ на протяжении нескольких тысяч лет письменно фиксированной китайской истории неоднократно меняла свое русло, что было связано с обилием ила (лесса), который несла в своих водах эта не случайно названная Желтой река. Обычно за ее водами внимательно следили чиновники, отвечавшие за очистку русла и возведение дамб. Но в годы стагнации и кризиса, в моменты деструкции и ослабления власти ослабевала и эта важная функция китайской администрации. За реками переставали, не могли тщательно следить. И возмездие не заставляло себя ждать. А если принять во внимание, что для воспитывавшегося в рамках определенной традиции населения, включая и самого Ван Мана, прорыв Хуанхэ и связанные с этим великие бедствия однозначно свидетельствовали о том, что Небо недовольно положением дел в Поднебесной и предупреждает о своем недовольстве именно такого рода глобальными катаклизмами, то не приходится спорить о выводах, которые всеми были сделаны после смены русла Хуанхэ: великое Небо против реформ Ван Мана².

Осознав это, император вынужден был не только открыто покаяться, но и отменить значительную часть своих указов. Такого рода вынужденная акция сыграла роковую роль. Противники реформ возликовали, ситуация в стране вновь решительно изменилась, что в очередной раз породило хаос и разброд. Кризис стал углубляться, недовольные и обездоленные вновь взяли за оружие, в стране начались восстания. В результате этих многочисленных восстаний, наиболее заметную роль среди которых сыграли

---

¹ История Востока. В 6-ти тт. М., 2002. Т. 1. С. 452.

² Материалы по экономической истории Китая в раннее Средневековье. Разделы «Ши хочжи» из династийных историй. Пер. А.А. Бокщанина и Лин Кюньи. М., 1980. С. 194.

восстания так называемых «краснобровых»¹, армии империи теряли почву под ногами и отступали к столице².

Когда стало очевидно, что Ван Ман не сможет удержаться у власти, некоторые члены рода Лю решили воспользоваться ситуацией для того, чтобы вернуть себе господствующее положение. Одним из первых примкнул к повстанцам обедневший аристократ из Чунлиня Лю Синь. Свои отряды создали также Лю Сюань, Лю Ин и Лю Сю – младшие троюродные братья Лю Синя. Самым деятельным из этих троих был Лю Сю, который поднял мятеж у себя в Наньяне и быстро выдвинулся в число главных вождей восстания. Повстанцы, впрочем, поначалу отдавали предпочтение его дяде. В 23 г. повстанческая армия синьши признала его своим руководителем. Затем ему подчинились и некоторые другие армии на севере страны. Лю Синь провозгласил себя императором и стал именоваться Гэн-ши (Обновитель). Лю Сю он даровал звание великого полководца-сокрушителя. Вскоре под Куньяном (в провинции Хэнань) произошло сражение, в котором армия Ван Мана была разбита. Гэн-ши послал своих воинов на приступ столицы. Защищать Чанъань было некому. Восставшие ворвались в город, захватили Ван Мана и обезглавили его. В 24 г. Гэн-ши торжественно вступил в столицу, однако царствование его продолжалось недолго. Захватив престол, он мало занимался делами, посвятив все свое время удовольствиям. Между тем ситуация продолжала оставаться напряженной. Южная повстанческая армия "краснобровых", во главе которой стоял Фань Чун, не признала Гэн-ши и провозгласила императором пастуха Лю Пын-цзы, тоже принадлежавшего к роду Лю. Гражданская война после смерти Ван Мана не только не утихла, но разгорелась с новой силой. Летом 25 г. несколько сот тысяч "краснобровых" подошли к Чанъаню. Армия Гэн-ши была разбита в Гуаньчжуне. Победители вступили в Чанъань, сожгли дворцовые кварталы столицы и убили Гэн-ши. Его сторонники примкнули к Лю Сю, которому удалось установить контроль

---

¹ Принадлежавшие к этому движению бойцы красили брови в красный цвет, дабы отличаться от остальных.

² Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 166.

над большей частью Центрального и Восточного Китая. В том же году он провозгласил себя императором и стал называться Гуан-у-ди. Усмирив окрестные земли, он занял Лоян. Этот город, расположенный к востоку от Чанъаня, был объявлен новой столицей империи, вследствие чего основанная Лю Сюем династия получила в истории наименование Восточная или Младшая Хань¹.

"Краснобровые" не пользовались поддержкой на севере Китая. Большая часть местного населения осталось верным Хань, и это обеспечило успех Гуан-у-ди. Собрав большое войско, он осадил повстанцев в Чанъане. Бои носили чрезвычайно ожесточенный характер: старая столица вскоре превратилась в развалины, число убитых и умерших от голода исчислялось сотнями тысяч. В конце концов "краснобровым" пришлось оставить Чанъань и отступить на восток. Гуан-у-ди преследовал их по пятам. В 27 г. ему удалось окружить армию "краснобровых" в Сяоди и нанести ей полное поражение. (Перед началом решительного сражения несколько тысяч солдат Гуан-у-ди по примеру повстанцев выкрасили свои брови в красный цвет и укрылись в засаде. Во время битвы они неожиданно появились в рядах "краснобровых", были приняты ими за своих и в условленный момент неожиданно напали на них с тыла.) Больше половины "краснобровых" было убито в этом сражении. Остальные бежали до Ияма (в Хэнани). Здесь Гуан-у-ди вновь настиг повстанцев и принудил их к капитуляции. Вскоре был убит Фань Чун, и восстание пошло на убыль, а к 29 г. было окончательно подавлено. Но и после разгрома "краснобровых" у Гуан-у-ди оставалось еще много других противников, которые, захватив различные районы страны, объявили себя князьями и императорами. Только к 37 г., после нескольких трудных походов, вся страна окончательно объединилась под его властью².

2.2. Правление Второй (Младшей) династии Хань

---

¹ История Востока. В 6-ти тт. М., 2002. Т. 1. С. 453.

² История Китая. М., 1998. С. 206.

Утвердившись на престоле, Гуан-у-ди провозгласил эру мира и объявил, что будет действовать по примеру своего предка Лю Баня (основателя династии Западная Хань). И действительно, он очень много сделал для умиротворения страны. Гуан У-ди фактически продолжил начатые неудачливым Ван Маном преобразования, направленные на укрепление власти государства и ослабление позиций сильных домов, властной элиты на местах. Главной своей заботой Гуан У-ди счел необходимость дать всем земледельцам поля и предоставить им возможность прокормить самих себя, уделив казне скромную долю, официально сниженную вначале до $1/30$ урожая. Для того, чтобы каждый пахарь получил свое поле, была роздана практически вся земля, оказавшаяся в руках государства после реформ Ван Мана, включая существенную часть полей тех сильных домов, которые сопротивлялись реформам и чьи земли были конфискованы. Параллельно с этим чиновники новой династии проводили энергичные меры по приведению в порядок ирригационной системы страны, изрядно пострадавшей в годы кризиса и восстаний. Были освобождены от рабского состояния преступники-каторжники и большинство частных рабов, которым тоже были предоставлены земельные наделы¹.

Гуан-у-ди постарался наделить землей всех желающих, причем в размерах, достаточных для сносного существования. Поземельный налог был снижен до $1/30$ урожая. Для того чтобы каждый пахарь получил свое поле, были розданы практически все земли, принадлежавшие государству после реформ Ван Мана, включая значительную часть полей тех "сильных домов", которые сопротивлялись реформам и чьи земли были конфискованы. Другой первостепенной задачей было приведение в порядок ирригационной системы, изрядно пострадавшей в годы кризиса и восстаний. Чтобы снизить государственные расходы, Гуан-у-ди в 31 г. резко сократил штаты провинциальной администрации. По свидетельству Фань Е (автора "Истории

---

¹ Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 161.

династии Поздняя Хань"), "из десяти служащих остался один". Было упразднено более 400 уездов. В то же время Гуан-у-ди провел серию реформ в армии: отменил всеобщую воинскую повинность и распустил военный флот. Вновь созданный административный аппарат император держал в ежовых рукавицах, пресекал взяточничество и лихоимство. "В то время, – сообщает Фань Е, – многих чиновников внутреннего и внешнего двора отбирал сам император, проверяя их со всей строгостью..." Хотя Гуан-у-ди пришлось пожаловать своим родственникам и союзникам большие земельные угодья, он с самого начала постарался ограничить их власть. В каждое удельное княжество был отправлен императорский советник, который контролировал все доходы чжухоу (владельца князя) и половину из них отсылал в казну. В результате этих и других мер положение в империи быстро стабилизировалось, страна вышла из кризиса и стала успешно развиваться¹.

Все эти меры сыграли свою позитивную роль, и за короткий срок вторая династия Хань вывела страну из состояния тяжелого кризиса и обеспечила ей основу для процветания, проявившего себя в различных сферах – в области агротехники (например, распространение грядковой системы и пахоты на волах, применение новой системы земледелия), ирригации, торговли (в том числе по Великому шелковому пути) и, наконец, внешней политики (войны с гуннами, освоение далеких южных земель и т.п.). Немалые успехи были достигнуты и в сфере науки и культуры – расцвет математики (трактат «Математика в девяти главах», подытоживающий все знания древних китайцев в области операции с числами, в том числе и отрицательными, а также начал геометрии и алгебры), создание едва ли не первого в мире сейсмографа, достижения в области градостроительства и архитектуры, включая умение строить здания в несколько этажей, или такое важное нововведение для страны, уважающей письменный текст, как изобретение бумаги².

---

¹ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 391-392.

² Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979. С. 166-168.

Словом, серия реформ, умело проведенная в жизнь первым императором второй ханьской династии Гуан У-ди (25–27) и его преемниками, особенно Мин-ди (58–75), дала свои результаты и способствовала стабилизации империи, расцвету ее производства и культуры, успехам как внутренней, так и особенно внешней политики. Достаточно упомянуть об успешных походах знаменитого китайского полководца и дипломата Бань Чао, который в 70-х гг. I в. сумел с небольшим отрядом подчинить ханьскому Китаю значительную часть мелких государственных образований, расположенных вдоль туркестанской части Великого шелкового пути (китайцы именовали эти земли термином «Си-юй» – Западный край), что не только способствовало торговле с зарубежными странами, но и заметно укрепляло позиции империи в ее противостоянии гуннам (сюнну)¹.

Впрочем, не все нововведения Гуан-у-ди имели положительные последствия. Он, к примеру, передал евнухам многие важные государственные посты, прежде занимавшиеся представителями столичной бюрократии. В связи с этим значительно возросла политическая роль гарема. Наиболее заметными фигурами поздних ханьской истории стали "постоянный камердинер дворца" (чжун-ганши) и "малый камердинер желтых ворот" (хуан мэнь сяоши), часто выступавшие посредниками между государем и "внешним двором". Пагубные последствия этого проявились уже при ближайших преемниках Гуан-у-ди².

В 57 г. первому императору восточноханьской династии наследовал его сын Лю Чжуан; это был император Мин-ди³. При нем империя настолько окрепла, что смогла возобновить захватнические войны. В 73 г. началось энергичное наступление на северных хунну. Генерал Доу Гу разбил полчища кочевников у восточных предгорий Тянь-Шаня. В то же время на завоевание Ферганы был отправлен выдающийся китайский полководец и дипломат

---

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 189-192.

² Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 61.

³ Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 164.

Бань Чао, через несколько лет покоривший Китаю весь западный край¹. Но внешнеполитические успехи продолжались недолго. При следующих императорах сильное влияние на дела стали оказывать беспринципные временщики, мало радеющие о величии государства. При сыне Мин-ди, Чжан-ди, возвысился род Доу – родственники его жены императрицы Доу. Эта властная женщина ревниво оберегала свои прерогативы. Не сумев родить сына, она оклеветала и довела до самоубийства двух "знатных дам" из фамилий Сун и Лян, имевших от императора сыновей. Ребенка Лян императрица Доу выдала за своего и после смерти Чжан-ди в 88 г. возвела его на престол. Это был император Хэ-ди. В начале царствования ему было всего 9 лет. Вся власть сосредоточилась в руках вдовствующей императрицы и ее братьев. По свидетельству Фань Е, они "силой отнимали у людей имущество, выпускали преступников на свободу, захватывали в наложницы женщин и девушек. Торговцы при их приближении спешили закрывать свои лавки, как при приближении врага. Власти боялись их, и никто не осмеливался протестовать". Но вскоре врагам Доу удалось возбудить против них гнев императора. Когда Хэ-ди подрос, евнухи раскрыли ему обман с "усыновлением". После этого молодой государь ждал только благоприятного момента для мести. Верным помощником его был гаремный евнух Чжэн Чжун, который, по словам Фань Е, "один всей душой был предан императору и не прислуживал могущественной клике". В 92 г. Хэ-ди, воспользовавшись тем, что главы клана Доу, Доу Синя, не было в Лояне, обвинил в измене и арестовал его братьев. Все они были сосланы в свои владения и по обычаю покончили с собой. Затем при помощи Чжэн Чжуна Хэ-ди удалось организовать убийство Доу Синя. Только таким образом он смог вернуть себе реальную власть. За свои услуги Чжэн Чжун получил от императора титул и большие земельные угодья. Влияние евнухов на политику еще более

---

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 199-203.

возросло¹.

В годы правления Хэ-ди, в 89 и 91 гг., китайские войска дважды выходили за линию крепостей и наносили сильные поражения северным хунну. В конце концов те были вынуждены отступить далеко на запад. В 106 г. Хэ-ди умер, не оставив наследника. Власть перешла к вдовствующей императрице из рода Дэн, которая возвела на престол малолетнего императора Шан-ди. Он умер через четыре месяца. В нарушение обычая, требовавшего созывать в таких случаях общий совет для решения вопроса о престолонаследии, императрица Дэн с двумя братьями провозгласила императором 13-летнего принца Лю Ху. Это был император Ань-ди. Бразды правления и после этого остались в руках вдовствующей императрицы. Лишь после ее смерти, в 121 г., Ань-ди с помощью евнуха Ли Жуня и кормилицы Ван Шэн смог вернуть себе власть – лишил братьев Дэн всех их званий и принудил их покончить с собой. Евнух и кормилица после этого получили знатные титулы и стали во главе новой могущественной клики².

При Ань-ди империя вошла в период нового кризиса, одной из причин которого стало нашествие цянов. (Эти племена кочевали в северо-западных приграничных районах Китая и со времен У-ди признавали верховную власть ханьских императоров). В 107 г. они восстали и совершили первый опустошительный набег на глубинные районы империи. (Некоторые из их отрядов дошли до пределов современных провинций Шаньси и Хэнань.) Несколько сот тысяч китайских поселенцев вынуждены были бежать из западных районов страны, бросив все свое добро. Война с цянями продолжалась более десяти лет и потребовала колоссальных средств, но так и не привела к полному умиротворению этих племен. После 107 г. и до самого конца династии Хань приграничные жители не знали ни одного спокойного дня³. Едва прекращалась одна война, как сразу начиналась другая. Но столичным властям, занятым внутренними смутами, было не до них.

¹ Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 67-68.

² Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 393.

³ История Востока. В 6-ти тт. М., 2002. Т. 1. С. 446.

В 125 г. умер император Ай-ди. Вдовствующая государыня из клана Янь убила мать наследника престола – принца Лю Бао – и добилась низложения последнего. Вместе с братом Янь Сянем она посадила на престол другого малолетнего сына Ань-ди. Ван Шэн была отправлена в ссылку. Но через несколько месяцев ставленник Янев умер. Евнух Сунь Чэн организовал заговор и возвел на престол законного наследника Лю Бао. Это был император Шунь-ди¹. При нем на первые роли выдвинулось несколько талантливых администраторов. Несмотря на противодействие евнухов, им удалось провести незначительные реформы и придать некоторый блеск ветшающей империи. Однако сторонники реформ оказались бессильны перед могущественной придворной кликой, озабоченной только своим обогащением. В 132 г. Шунь-ди объявил своей супругой девицу из рода Лян. Отец новой императрицы, Лян Шан, вскоре стал главнокомандующим и сосредоточил в своих руках немалую власть. В 141 г. все его звания и должности перешли к сыну Лян Цзи. Фань Е изобразил в своей хронике этого могущественного временщика как законченного негодяя, не имевшего ни одной положительной черты. Если при жизни Шунь-ди Лян Цзи еще должен был как-то сдерживать себя в рамках законности, то после его смерти в 144 г. отбросил всякие приличия и явил всю низость своей натуры. Наследовавший Шунь-ди двухлетний император Чун-ди умер через несколько месяцев. Лян Цзи единолично назначил нового государя – восьмилетнего Чжи-ди. В 146 г. тот был отравлен, и Ляны возвели на престол 13-летнего правнука Чжан-ди, принца Лю Чжи. Это был император Хуань-ди. Даже когда он подрос, Лян Цзи продолжал самодержавно править государством. Все назначения на государственные посты происходили только с его ведома и только за большие взятки. В провинциях его люди составляли списки богатых и сажали их по сфабрикованным обвинениям в тюрьму. Освободиться из нее можно было только за большой выкуп. Тех, кто не мог откупиться, казнили в назидание другим. Составив благодаря этим злоупотреблениям огромное

---

¹ Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 169-170.

состояние, Лян Цзи устроил свою жизнь с вызывающей роскошью. В окрестностях столицы он соорудил парк с искусственными холмами, достигавший 300 км в окружности, и еще один парк – специально для кроликов. Каждый, убивший там кролика, подвергался казни¹.

Чтобы упрочить свое положение, Лян Цзи женил в 147 г. императора на своей младшей сестре. Но в 159 г. императрица умерла. В это время Хуаньди был увлечен одной из своих наложниц – Мэнню. Враги Лянов решили воспользоваться этим для свержения временщика. Гаремные стражники во главе с евнухом Тан Хэном арестовали Лян Цзи и вынудили его покончить с собой. Другие члены клана Лян были частью казнены, частью сосланы, имущество их конфисковано, а огромные земельные владения переданы бедным. Более 300 их ставленников прогнали со службы. Наложница Мэнню была объявлена государыней. Власть в стране перешла в руки евнухов. Тан Хэн и четыре его сподвижника – активные участники и вдохновители переворота – получили титулы хоу и огромные земельные угодья. По словам Фань Е, "они безраздельно хозяйничали в Поднебесной и наперебой сооружали себе дворцы. Это были многоэтажные здания, изящные и роскошные, построенные с большим искусством. На своих слуг они одевали украшения из золота, серебра, фетра и перьев. Они брали в наложницы множество красивых женщин из доброго люда, украшали их драгоценностями, словно знатных дам... Их братья и племянники становились правителями округов и областей, где они терзали и грабили народ как сущие разбойники..."². Только в 165 г. сановникам "внешнего двора" удалось взять верх над заправилками "внутреннего" и оттеснить от власти двух оставшихся в живых участников заговора против Лян Цзи. Тогда же произошли важные перемены в гареме – императрица Дэн была отправлена в гаремную красильню – последний приют для знатных дам, впавших в немилость. Несколько дней спустя она умерла "от печали". По

---

¹ Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 73.

² Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 174.

настоянию придворных императрицей была провозглашена Доу Мяо. Ее отец Доу У получил должность командующего столичным гарнизоном¹.

Три года спустя, в возрасте 35 лет, Хуань-ди скончался. Новые временщики – семейство Доу – возвели на престол десятилетнего Лю Хуна, дальнего потомка Чжан-ди. Это был император Лин-ди. Доу Мао стала регентшей, а Доу У, по обычаю, занял пост главнокомандующего с правом входа во дворец в любое время. При нем партия евнухов на время лишилась влияния – все важнейшие посты были переданы представителям столичной бюрократии. Главнокомандующий готовился пойти еще дальше – перебить всю гаремную верхушку. Но евнухи его опередили: они убедили юного императора в измене Доу и получили от него разрешение действовать против главнокомандующего со всей строгостью. Доу пытался опереться на своих солдат, но перед лицом дворцовой гвардии те разбежались. Доу был окружен и покончил с собой. Императрицу заточили в Облачной башне Южного дворца. Многие высшие сановники были казнены, а евнухи вернули себе господствующее положение².

В 171 г. Лин-ди женился и обрел самостоятельность. Этот император отличался необузданными страстями. (Пишут, что в его гареме находилось более тысячи наложниц. На их содержание ежедневно расходовалось несколько миллионов монет, то есть около миллиарда в год.) Приняв бразды правления, он приступил к строительству грандиозных дворцов и храмов, нисколько не смущаясь тем, что разоренное население уже было не в силах нести бремя налогов. Чтобы добыть необходимые средства, Лин-ди разрешил преступникам откупаться от наказания, пустил в продажу чиновничьи должности, а в 180-х гг. обложил всех правителей областей единовременной данью в размере 20–30 миллионов монет. Те, кто не мог заплатить, задерживались в столице словно заложники, и многие из них, по словам Фань Е, должны были покончить жизнь самоубийством. Собранные таким образом

¹ История Китая. М., 1998. С. 209.

² Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 395.

деньги поступали в личную казну императора, которой ведали его доверенные евнухи. По существу, императорский дворец из органа управления государством превратился в торговый дом, служивший только личному обогащению императора и его окружения.

Между тем дела империи с каждым годом шли все хуже и хуже. Усилился нажим на границы Китая внешних варваров. С середины II в. кроме цзяней в набегах на китайские провинции стали принимать участие монгольские племена сяньби и дунху. (В первые годы нашей эры сяньби переселились из Ляодуна на южную окраину пустыни Гоби; затем в годы правления Хуань-ди и Лин-ди вождь сяньби Таньшихуай объединил под своей властью все прежде разрозненные племена и создал мощную державу. Вскоре он захватил земли хунну и стал часто совершать набеги на северные пределы империи. В 156–178 гг. сяньбийцы каждую зиму вторгались в пределы Китая по всей линии северной границы.)¹ Противостоять набегам кочевников с каждым годом становилось все труднее и труднее. Армия разваливалась. Известно, что в столичном гарнизоне было множество лиц не способных носить оружие и устроенных сюда по протекции. Один из современников той эпохи пишет: "Войска пяти столичных гарнизонов и охранники составляли 10 тысяч человек. Служили в них беспутные купеческие сынки и дремучие крестьяне-мотыжники. Несмотря на то что у них имелись военные лагеря, они не знали, как строить укрепления, не обучались искусству владения мечом, редко бывали в деле, и трудно было подготовить их к сражениям". Полевые армии, набравшиеся только по случаю, находились в еще худшем положении. Наиболее боеспособными подразделениями ханьской армии были орды кочевников, которых империя нанимала за большие деньги².

Наряду с внешним кризисом стремительно разрастался внутренний. Голод и нищета народа с каждым годом становились все нестерпимее. В

---

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 207-209.

² Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 81-82.

начале 180-х гг., в то время как Лин-ди в окружении своих любимцев-евнухов был занят развлечениями, обстановка в стране резко накалилась. В низших слоях общества росла популярность оппозиционных сект. Наибольший успех выпал на долю вождя секты "Тайпин-дао" Чжан Цзюэ, который более чем за десять лет проповеднической деятельности приобрел несколько сотен тысяч последователей во всех центральных и восточных районах империи. Из своих приверженцев он создал мощную военную организацию и назначил свержение ханьской династии на 184 г. Но незадолго до намеченного срока бывший сподвижник Чжан Цзюэ выдал двору одного из руководителей секты – некоего Ма Юаньши, готовившего мятеж в столице. В результате чего власти выявили и казнили более тысячи его сообщников. Тогда Чжан Цзюэ поспешно призвал своих сторонников к оружию. Так весной 184 г. началось одно из самых крупных в истории Китая народных восстаний – восстание "желтых повязок"¹. Поначалу оно развивалось успешно и охватило почти всю восточную половину империи. Но после кратковременной паники двор собрался с силами и перешел к решительным действиям. Против восставших были посланы отборные войска во главе с генералами Лу Чжи, Хуанфу Суном и Ван Юнем. То и дело между ними и армиями повстанцев происходили ожесточенные сражения, в которых число павших с обеих сторон исчислялось десятками тысяч. Большею частью восставшие терпели поражения, однако накал борьбы не ослабевал. На помощь правительству пришли армии, созданные местными земельными магнатами. С их помощью ханьским генералам удалось в течение десяти месяцев разбить или рассеять основные силы восставших. Чжан Цзюэ умер в разгар боев. Сменившие его вожди были взяты в плен и казнены. Однако о возвращении к прежним порядкам не могло быть и речи. Брожение в народе не угасало. Многотысячные отряды повстанцев продолжали действовать в горах Хэйшань, в Сычуани, Шаньси и южных районах империи. Центральное управление так и не было восстановлено.

---

¹ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979. С. 276-281.

Местная имперская администрация утратила всякое влияние. Реальная власть перешла в руки местных магнатов, опиравшихся на свои вооруженные подразделения¹.

В разгар этих событий в мае 189 г. Лин-ди неожиданно умер. Посоветовавшись, евнухи возвели на престол сына его фаворитки по имени Хэ. Это был император Шао-ди². Старший брат новоявленной императрицы-матери, Хэ Цзинь, получил звание регента и пост главнокомандующего. Вознесенный на вершины власти евнухами, он тем не менее сразу стал думать о том, как избавиться от их опеки. Однако евнухи опередили его – в сентябре 189 г. они внезапно напали на своего протеже и отрубили ему голову. Но времена изменились – вернуть себе власть таким образом было уже невозможно. Один из приближенных главнокомандующего, Юань Шао, узнав о происшедшем перевороте, поднял императорскую гвардию и окружил Северный павильон дворца, где укрылись евнухи. Солдатам было приказано хватать и убивать всех без разбора – старых и молодых. Всего в результате поголовного истребления в этот день была перебита большая часть дворцовых евнухов – более двух тысяч человек. Испуганный император Шао-ди вынужден был простить всех участников этой незаконной расправы и объявить всеобщую амнистию. Впрочем, и Юань Шао не удалось воспользоваться плодами своей победы. В тот же день в столицу вошел вызванный еще Хэ Цзинем с западной границы генерал Дун Чжо, имевший в подчинении мощную армию (большую часть ее составляли нанятые за деньги кочевники). Он и стал полновластным хозяином Лояна, присвоив себе звание советника императора. Некоторое время спустя он низложил императора Шао-ди и заменил его своим ставленником – слабоумным Сянь-ди³. Юань Шао бежал на восток, где областные и окружные начальники выдвинули его на пост руководителя военной лиги. Армия лиги выступила против Дун Чжо. Однако уже в 192 г. лига распалась

---

¹ История Востока. В 6-ти тт. М., 2002. Т. 1. С. 460-461.

² Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 303.

³ Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. С. 172.

на две группировки. Каждый военачальник, оставив общее дело, старался только о расширении сферы своего влияния. В течение трех лет между ними шли упорные междоусобные войны. В союзе с Юань Шао действовали Цао Цао, контролировавший западную часть Шаньдуна, и правитель Юго-Восточной области Цзинчжоу Лю Бяо. Три года войны между этими региональными вождями тянулись с переменным успехом, но наиболее окрепшими из них вышли Юань Шао и Цао Цао¹.

Тем временем император оставался во власти Дун Чжо. В апреле 190 г. тот решил перевести двор в более безопасное место – в Чанъань. Перед переездом его солдаты спалили все города и деревни вокруг Лояна в радиусе 200 ли, сожгли в столице все дворцы и храмы, правительственные учреждения, склады и частные дома. Большая часть жителей столицы была насильно переселена в Гуаньчжун. (Множество людей при этом погибло. Дорога на запад была устлана трупами умерших от голода.) Покинув руины разграбленного и сожженного Лояна, армия Дун Чжо вместе с императором и его свитой перебралась в Чанъань. Здесь немедленно начались убийства и грабежи. Два года жители этого второго по величине китайского города страдали от невыносимого террора и беззаконий. В мае 193 г. Дун Чжо был убит собственными телохранителями². Узнав об этом, его военачальники Лю Цзюэ и Го Фань с боем ворвались в Чанъань и отдали город на разграбление своим воинам. Те вырезали почти всех жителей, так что в течение более чем 40 дней столица была пуста. Значительная часть свиты императора Сянь-ди была казнена. Ли Цзюэ сжег императорский дворец и увел Сянь-ди в свой лагерь, а императорских наложниц отдал конникам-варварам в награду за службу. Более двух лет Сянь-ди и его сановники пребывали в неслыханно унижительном положении пленников глумливой солдатни. Наконец им удалось уговорить главарей враждовавших отрядов отпустить их обратно в Лоян. В сентябре 195 г. двор тронулся в опасный путь по разоренной войной

---

¹ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 397.

² Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 162.

и кишасей разбойниками стране. Лишь через год, преодолев много опасностей, Сянь-ди и его спутники достигли восточной столицы. Но жизнь их не стала от этого легче. "В то время, – пишет Фань Е, – все дворцы и здания в Лояне были уничтожены огнем. Чиновники укрывались бурьяном и жили среди голых стен... Некоторые из них умерли с голода среди голых стен, иные были убиты солдатами..."¹

Сообразив, что своими силами он не сможет обеспечить себе даже сносного существования, Сянь-ди в 196 г. стал искать покровителя и обратился за поддержкой к Юань Шао и Цао Цао. Юань Шао эту просьбу оставил без внимания. Юань Шао не пожелал даже номинальным присутствием императора связывать себе руки и своим отказом продемонстрировал полное равнодушие к судьбе ханьской династии. Цао Цао, напротив, без колебания согласился взять на себя заботу об императорском дворе. Он лично явился на аудиенцию к Сянь-ди и убедил (или вынудил) императора перебраться в его столицу – город Сюй в Инчуани². Переезд ханьского двора на восток и реставрация фасада дворцовой жизни открыли новую страницу в карьере Цао Цао. Из заурядного регионального лидера он превратился в представителя центральной власти, защитника и опору трона. С этого времени он мог претендовать на самостоятельную политическую роль. Юань Шао вскоре понял свой просчет, но было уже поздно. Вскоре между двумя бывшими союзниками началась война. В 200 г. Цао Цао нанес Юань Шао сильное поражение у Гуаньду (в провинции Хэнань). Не пережив этой неудачи, Юань Шао в 202 г. умер, а в 205 г. Цао Цао овладел всеми его землями и превратился в единоличного правителя Северного Китая. Сам он умер в 220 г. в Лояне, куда незадолго до этого была перенесена столица. Перед смертью он сравнил себя с чжоуским Вэнь-ваном³, недвусмысленно намекая на то, что его наследнику Цао Пи пора довести начатое им дело до логического конца. Спустя несколько

---

¹ Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. С. 306.

² История Китая. М., 1998. С. 213.

³ Крюков М. В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979. С. 297-298.

месяцев Цао Пи принял от Сянь-ди императорские регалии и провозгласил воцарение династии Вэй. Передача державной власти проходила по новому сценарию. Считалось, что Сянь-ди, подобно легендарному правителю древности Яо, добровольно отрекся от престола в пользу более достойного кандидата. Трижды обращался он к Цао Пи с просьбой принять императорский титул, и два раза тот, соблюдая этикет, отказывался. Лишь после многочисленных просьб придворных сановников Цао Пи наконец внял «чаяниям народа» и вступил на престол¹. Церемония «добровольной уступки трона», ставшая обязательной при смене всех китайских династий вплоть до эпохи Тан, была символична для раннего средневековья: осуществлялась она военным диктатором-выскочкой, но по псевдоархаическим правилам конфуцианского ритуализма ученых людей. Тем самым в ней отобразились две, пожалуй, важнейшие силы на политической сцене той эпохи. Так завершилось двухвековое правление династии Восточная (Младшая) Хань.

---

¹ Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006. С. 397.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами прошли разные аспекты и этапы истории Ханьской империи.

Наиболее примечательной чертой имперского порядка в Китае является особого рода двуединство его структуры и принципов организации. Речь идет о сосуществовании двух противоборствующих начал и тенденций в рамках единого целого. Такое двуединство, наблюдаемое во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни империи, определило судьбу ранне-имперской цивилизации в Китае.

Отмеченные особенности имперского строя запечатлены прежде всего в характере двух его основных страт - местного общества и государства - и во взаимоотношениях между ними. Мы говорим именно о местном обществе, ибо распространенное представление о деревенской общине как универсальной форме социальной организации в императорском Китае нуждается в существенных уточнениях.

Община не была главным объектом политики государства, стремившегося установить непосредственный личный контроль над населением. Эпоха Ханьской империи, по единодушному мнению исследователей, была временем постоянно углублявшегося разложения общины вследствие поляризации крупных землевладельцев и массы зависимых крестьян, или, говоря словами ханьских современников, «высших семей» и «низших дворов». Этот процесс знаменовал собой возвышение «сильных домов» и складывание общества местной элиты. Будучи продуктом распада крестьянской общины, «сильные дома», однако, не преодолели рамки общинных институтов и принципиальную замкнутость патриархальной семьи.

По-видимому, многое предопределил здесь производственный уклад северокитайской деревни той эпохи, который обеспечивал доминирование магнатов, но не позволял им установить полный контроль над крестьянскими

хозяйствами. Организация «сильных домов» носила скорее квазиобщинный характер; отношения эксплуатации оформлялись в ней в категориях семейной и общинной иерархии.

Между местным обществом и императорским государством наблюдается преемственность, выраженная скорее в категориях структурного подобия. Их объединяла «иерархически-поравнительная» структура, скрывавшая в обоих случаях эксплуататорскую и паразитическую природу правящей верхушки; патриархальный камуфляж «сильных домов» находил выражение в девизе имперской государственности - «вся Поднебесная - одна семья» - и в псевдоархаической трактовке императоров как божественных предков и дарителей жизни.

Освящая патриархальный авторитет, империя не могла не признать и господства могущественных кланов на местах. Собственно, в использовании местной элиты для обеспечения контроля над деревней и заключалась политическая стратегия ханьской династии - стратегия, охотно поддержанная провинциальными магнатами, которые без труда интегрировались в систему почетных рангов и завладели каналами отбора бюрократии. Быстрое возрождение имперского могущества после падения Ван Мана и реставрации ханьского дома - одно из многих тому доказательств.

Но преемственность структуры местного общества и империи не исключала противоречий между ними. Конфликт политической лояльности и семейного долга в глазах ханьских современников настолько же не допускал трагической развязки, насколько оставался неразрешимым. Имперские власти никогда не могли заручиться поддержкой всей верхушки локального общества. Наличие в ней контрэлиты, могущественных «коварных людей», не связанных с официальным режимом и угрожавших ему, - постоянная черта истории императорского Китая, отражавшая имманентные противоречия имперского порядка. Общей их предпосылкой являлась борьба различных страт и группировок господствующего класса за экономическое господство. Но многое было предопределено и известной нам исторической

двойственностью ханьского общества, выливающейся в столкновение альтернативных путей его эволюции.

Разбив общинно-родовой строй, империя не создала столь же целостной социокультурной системы. Подлинный базис империи, сделавший возможным известную эмансипацию ее от общества, относился скорее к области хозяйственной экологии.

Действие их также подчинено фундаментальному принципу двуединства имперского социума. Основная тенденция общественного развития в экономически ведущих районах ханьского Китая представлена ростом крупного землевладения, распадом общины и закабалением крестьянства, неразрывно связанных с развитием торгового капитала и денежной экономики. На базе этих процессов сложилась верхушка местного общества - опора имперского правления. Те же процессы определили состав и характер бюрократии, которая к позднеханьскому времени превратилась в непосредственное продолжение провинциальной элиты. Бюрократический аппарат вбирал в себя наиболее преуспевавших влиятельных лиц среди местных магнатов, деньги и власть практически слились воедино.

Однако консолидация ханьского режима на основе смычки местной элиты и центральной власти одновременно подготавливала почву для кризиса. Сращивание бюрократии с земельной и торговой верхушкой делало ее косной и неуправляемой силой, преследующей свои корыстные интересы. Усиление всех форм эксплуатации - рентной, налоговой, торговой, ростовщической - подрывало фискальную базу империи и стимулировало престижное потребление на фоне все расширявшегося разрыва между богатыми и бедными.

Следует особо подчеркнуть перерождение центральной власти. Суть его точно выразили современники кризиса империи, обвинявшие двор в забвении идеи «всеобщности». Двор последних ханьских императоров действительно уже мало чем отличался от частного торгового дома. В политике государей нашла концентрированное выражение роль власти как

средства обогащения за счет общества. Частые в императорском Китае жалобы на лихоимство власть имущих, особенно усиливавшиеся накануне краха империй, не просто риторика: именно в империи воплощались наиболее полно разрушительные тенденции социально-экономического развития.

Столкновение центробежных и центростремительных тенденций в политической жизни империи сужало базу императорской власти, вело к упадку торговли, краху финансовой системы и в конце концов к самоизоляции местных обществ. Империя распадалась на ячейки, которые она не могла интегрировать в единый хозяйственный организм.

Для провинциальной элиты всегда существовали два пути: добиваться политической власти и с ее помощью укреплять свои позиции в обществе или, отвергая бюрократическую карьеру, быть вождем округи, опиравшимся на местные ресурсы.

Разумеется, выбор зависел от многих обстоятельств и в действительности никогда не был безоговорочным. В наибольшей степени на него влияла общая политическая ситуация в империи. В начале правления династии преобладал выбор в пользу первого пути, в конце династийного цикла - в пользу второго. На практике же обе тенденции всегда шли рядом, порождая и обуславливая друг друга. Их взаимодействие определило формы политической борьбы, особенности общественной позиции и сознания господствующих слоев империи. Распри среди служилых верхов поздниханьской империи, протекавшие под лозунгом противодействия «чистых» мужей «грязным» элементам в администрации и знаменовавшие борьбу за власть между регулярной бюрократией и могущественными временщиками, не могут быть сведены к противоборству двух четко очерченных лагерей и тем более двух качественно различных исторических сил. Речь идет о борьбе двух универсальных, не связанных с каким-либо определенным социальным слоем общественных тенденций, двух идеально выделенных, но слитых в реальности политических линий.

Эта борьба протекала внутри бюрократии, провинциальной элиты, отдельных служилых семей, отразилась в сознании каждого представителя привилегированных слоев общества. Победа евнухов не устранила бы корни раскола, что в равной мере относилось бы и к победе их противников, если бы им сопутствовала удача; с исторической точки зрения в этой борьбе не могло быть победителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И. А. Без исторической памяти нет будущего // Каримов И. А. Сочинения. Т.: Узбекистан, 1999. Т. VII.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II.
3. Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995.
4. Васильев Л.С. Государство и государственный способ производства в Древнем Китае // «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 1.-М., 1981.
5. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
6. Григорьева Т. П. Махаяна и китайские учения (попытка сопоставления) // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973.
7. Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 2.
8. Илюшечкин В.П. О господствующих способах эксплуатации в Древнем и средневековом Китае // Китай: государство и общество. М., 1977.
9. Илюшечкин В.П. Сословная и классовая структура общества в Древнем и средневековом Китае // Социальные организации в Китае. М., 1931.
10. История Китая. М., 1998.
11. Кроя Ю. Л. Сыма Цянь - историк. М., 1970.
12. Крюков М. В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.
13. Крюков М.В. Новые данные о земельных налогах в эпоху Хань // Вопросы истории Китая. М., 1981.
14. Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
15. Кудрин В.И. Из истории аграрной политики в эпоху Хань // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974.
16. Кудрин В.И. Экономическая политика в период Западной Хань // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979.
17. Малявин В. В. Гибель древней империи. М., 1983.

18. Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007.
19. Малявин В. В. Проблема человека в культуре раннеимператорского Китая // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983.
20. Малявин В.В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // Социальные организации в Китае. М., 1981.
21. Малявин В.В. Переосмысление конфуцианской традиции в Китае во II-III вв. // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. - 1981, - № 4.
22. Мартынов Л.С. Сила дэ монарха // Письменные памятники Востока. М., 1974.
23. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968.
24. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1973.
25. Материалы по экономической истории Китая в раннее Средневековье. Разделы «Ши хочжи» из династийных историй. Пер. А.А. Бокщанина и Лин Кюнъи. М., 1980.
26. Переломов Л. С. О значении терминов «фулао» и «саньлао» в эпоху Хань // Историко-филологические исследования. М., 1967.
27. Переломов Л.С. Империя Цинь - первое централизованное государство в истории Китая. М., 1962.
28. Рыжов К. В. Все монархи мира. Древний Восток. М., 2006.
29. Степугина Т. В. О способах порабощения в древнем Китае во времена империй Цинь и Старшей Хань // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
30. Сыма Цянь. Исторические записки. М. 2003. Т. 2.